

СПРАВЕДЛИВОСТЬ СЕГОДНЯ: НЕЛЕГКИЙ ВЫБОР МЕЖДУ РАСПРЕДЕЛЕНИЕМ И ПРИЗНАНИЕМ

Статья первая*

С.Г. Чукин

Санкт-Петербургский военный институт
Внутренних войск МВД России

П.Ю. Наумов

Новосибирский военный институт
Внутренних войск им. генерала армии
И.К. Яковлева МВД России

petr.naumov.777@mail.ru

В работе рассматриваются практические и теоретические следствия того, что справедливость становится реальным фактором достижения солидарности в социальной жизни социальных субъектов. Рассмотрены различные концепции справедливости, выявлены их сущностные и структурные отличия. Авторы приходят к выводу, что итогом дискуссий вокруг темы справедливости, длящихся последние тридцать лет, стал существенный семантический сдвиг в понимании справедливости, повлекший, в свою очередь, появление новых форм и способов ее достижения. Отмечается, что справедливость обладает свойством, которого нет у истины и которое помогает ей оставаться в поле зрения философии и социальных наук, несмотря на безуспешность попыток дать ее удовлетворительное объяснение. Этим свойством является особая чувствительность по отношению к ней со стороны отдельных индивидов, а также социальных и культурных групп. Определены уровни справедливости и установлено, что социальная структура является основанием справедливости. Авторы критикуют эмотивизм, утверждающий невозможность рационального обоснования социальных ценностей, и противопоставляют ему концепт флексибельной справедливости, методологической основой которой является идея трансверсального разума.

Ключевые слова: мораль, социальная структура, справедливость, ценность, флексибельный подход, трансверсальность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-46-58

---

* Работа является лауреатом конкурса «Истина и справедливость», который проводился в Институте философии Российской академии наук в 2013 году. Печатается на средства, полученные по итогам конкурса. Информация о конкурсе размещена на официальном сайте Института философии РАН: iph.ras.ru.

«Я думаю, мой Сократ, что афиняне, да и все остальные эллины редко задаются вопросом, что справедливо, а что несправедливо, они считают, что это само собой ясно. Поэтому, отложив попечение о справедливости, они заботятся лишь о пользе дела».

Платон. Алкивиад I

Джон Ролз, чья «Теория справедливости» до сих пор считается катехизисом этической и политико-правовой мысли либерализма, утверждал, что место и роль справедливости в теории морали сопоставимы с местом и ролью истины в логике. Это отождествление, однако, скорее красивая метафора, призванная привлечь внимание на проблему, чем бесспорное утверждение. Потому что логика в самом деле имеет своей главной целью поиск путей, следуя которыми человеческое мышление придет к истине. А вот что касается этики, философии права и политики, то они не столь единодушны в том, будто справедливость имеет для них приоритет перед другими социальными и индивидуальными добродетелями. Это означает, что требуется обоснование ценности справедливости как объекта концептуализации. Последняя включает в себя систему теоретических аргументов, доказывающих, что понятие или принцип справедливости являются основополагающими в системе категорий и принципов, посредством которых описывается социальная реальность. Но уже Аристотель, первым предпринявший попытку теоретического осмысления справедливости, столкнулся с проблемой, решить которую не удалось до сих пор. Она является частным случаем более общей трудности, с которой встречается нормативное познание. По этой причине, хотя о справедливости говорится и пишется очень много, все сказанное

и написанное о ней считается более или менее обоснованным выражением тех или иных ценностных предпочтений. Доказать же, что одна ценностная позиция более истинна, чем другая, невозможно.

Справедливость тем не менее обладает свойством, которого нет у истины и которое помогает ей оставаться в поле зрения философии и социальных наук, несмотря на безуспешность попыток дать ее удовлетворительное объяснение. Этим свойством является особая чувствительность по отношению к ней со стороны отдельных индивидов, а также социальных и культурных групп. Она проявляется в том, что люди признают нечто справедливым или несправедливым только в том случае, если субъективно воспринимают это нечто как справедливое или несправедливое. Сколько бы социальные теоретики или партийные идеологи ни говорили о справедливости социального устройства, экономических реформ или правовой системы, они не преуспеют в своем деле, если будут игнорировать указанное обстоятельство. Это отличает их от ученых, которым безразличны чувства обывателей, уверенных в том, что Солнце вращается вокруг Земли. Для большинства людей истина не настолько важна, чтобы ради нее идти на баррикады или рисковать жизнью на войне. Такая жертвенность – удел ученых, да и то далеко не всех. Справедливость же очень часто выступает в качестве катализатора социальных изменений, и нередко

является ключом к пониманию действий конкретных индивидов. Указанное обстоятельство хотя и не дает ответа на вопрос о природе справедливости, однако его вполне достаточно для того, чтобы оправдать интерес к ней со стороны философов, ученых и обычных людей.

Особая чувствительность людей по отношению к справедливости – величина непостоянная. Она связана с коллективной и персональной идентичностью и меняется по мере того, как эта идентичность становится более дифференцированной и сложной. Современный человек «состоит» из гораздо большего числа индивидуальных, социальных и культурных «деталей», многие из которых он считает значимыми для себя, образующими его особость. Игнорирование этих индивидуальных особенностей, а тем паче – пренебрежение ими воспринимается как несправедливость и побуждает людей к ответным действиям. О справедливости начинают беспокоиться тогда, когда сталкиваются с несправедливостью.

Умозрительные рассуждения об актуальности темы справедливости подкрепляются эмпирическими исследованиями. Так, установлено, что последние два десятилетия проблема справедливости обострилась в европейских странах, считающихся оплотом стабильности и процветания. Это нашло отражение в усилении разрыва между богатыми и бедными, в увеличении количества последних, в росте бюрократии и коррупции. Социологи отмечают, что социальные характеристики, особенно бедность и богатство, начинают наследоваться, а это свидетельствует о рефеодализации общества. На глазах исчезают «социальные лифты», позволяющие человеку из «нижнего слоя» переместиться

на более высокий уровень общественной иерархии. Это создает напряжение, разрядить которое с помощью привычных механизмов социального перераспределения уже не удастся, поскольку их целью является не устранение несправедливости, а минимизация числа голодных и бездомных.

Несмотря на то что такой подход критиковал еще Адам Смит, он доминировал в социально-философском и философско-правовом дискурсе до 70-х годов XX века, когда книга Ролза и спровоцированная ею дискуссия переместили обсуждение проблемы справедливости на принципиально новый теоретический уровень [1].

Главным итогом дискуссий вокруг темы справедливости, длящихся последние тридцать лет, стал существенный семантический сдвиг в понимании справедливости, повлекший, в свою очередь, появление новых форм и способов ее достижения. В этом понятийном сдвиге примечательно следующее.

1. Зафиксирована «культурализация» социального, затронувшая и справедливость. Бедность, малообразованность, социальная пассивность рассматриваются сейчас как признаки принадлежности к «нижним» или маргинальным социальным слоям, как неизбежное следствие этого.

Для оправдания такого подхода власть имущими используется фарисейская риторика: образование и медицинское обеспечение, как товар, имеют несколько сортов, отличающихся по цене. Если вы не в состоянии приобрести товар высшего сорта, имеются более дешевые предложения. Главное – никто не обделен, а значит, справедливость соблюдена. Очевидно, что такое положение дел требует декультурализации социального и проведения структурных реформ.

2. Установлено, что обделенные и дискриминируемые группы свыклись со своей участью, избалованы системой социального вспомоществования и утратили чувство ответственности за свои жизненные возможности и за судьбу общества в целом. Они не хотят бороться за улучшение своей жизни. Справедливость требует, чтобы такое социальное изживенчество было минимизировано.

3. Новая семантика справедливости отражает факт плюрализации феномена справедливости, проявляющийся в существовании множества видов справедливости: поколенческой, гендерной, связанной с доступом к образованию и медицинскому обеспечению и т. д. Большой ошибкой было бы свести их к какой-то одной «метасправедливости» и представить как ее частные случаи. В то же время отрицание возможности интегрирующей инстанции справедливости делает проблематичным включение справедливости в состав политического и правового дискурса. Иными словами, становится неясной ценность справедливости: если она утрачивает дистрибутивное измерение, то что от нее остается? Постмодернисты выдвигают на передний план «внимание» к «инаковости», в соответствии с которым справедливость состоит в том, чтобы всем была предоставлена возможность активного участия в социальной кооперации, а исключение рассматривалось бы как форма несправедливости. Но как в таком случае быть с теми, кто родился с физическими и психическими недостатками и по этой причине попал в разряд «исключенных»? Ведь им потребуется помощь, значение которой затемняется в новой семантике справедливости.

Указанные выше социальные и семантические сдвиги в понимании справед-

ливости являются, на наш взгляд, достаточными для того, чтобы оправдать теоретический интерес к ней. Мы полагаем, что главной проблемой является структурная несправедливость, а именно такое устройство современных обществ, которое с неизбежностью продуцирует несправедливость и делает невозможным ее уменьшение и упразднение. Культурализация справедливости, следствием которой явилась ее плюрализация, лишь затемняет указанный выше факт и отвлекает внимание от подлинной причины несправедливости. Создание базовой структуры общества, минимизирующей социально-экономические предпосылки несправедливости, даст возможность более гибкого обращения с культурными различиями и позволит исключить их из дискурса справедливости.

Прежде чем приступить к обоснованию тезиса о структурных основаниях справедливости, есть смысл прояснить историю концептуализации справедливости, ключевые позиции наиболее влиятельных теорий в этой области и существующие методологические подходы.

Понятие социальной справедливости

В истории концептуализации справедливости выделились различные области, применительно к которым стали применяться соответствующие характеристики справедливого или несправедливого: отдельные лица, человеческие действия, правила, процедуры, судьба, результат и бытие в целом. Эти области можно условно объединить в три группы.

1. Персональная или индивидуальная: как справедливые или несправедливые классифицируются люди, их поступки и

оценки. Такой подход типичен для классической философии и теологии, в которых справедливость рассматривалась как совершенная, аристократическая добродетель. Оценка конкретного человека как справедливого считалась исчерпывающей нравственной характеристикой.

2. *Метафизическая:* справедливость Судьбы и миропорядка является предметом художественного дискурса в античных трагедиях. Греки были убеждены, что немилости судьбы – не случайность, а следствие проступков, совершенных или самим человеком, или его предками. Классическим примером считается судьба Эдипа. В религии метафизический аспект справедливости нашел отражение в проблеме теодицеи.

3. *Социальная (институциональная):* справедливыми или несправедливыми могут быть правила, законы, процедуры, институты, общественные порядки и экономические системы. Именно социальная справедливость чаще всего рассматривается как квинтэссенция справедливости, аккумулирующая в себя остальные ее проявления. Поскольку целью данной работы является обоснование тезиса о том, что ключом к справедливости может быть базовая структура общества, то есть смысл более подробно проанализировать понятие социальной справедливости.

Робинзон, оказавшись на необитаемом острове, мог бы сетовать на несправедливость судьбы, осудившей его на одиночество, однако он понимал, что та же судьба оставила его в живых, а потому уже с его стороны было бы несправедливым жаловаться на нее. Речь в данном случае идет об уравнивающей справедливости. В дискуссиях о социальной справедливости со времен Аристотеля чаще всего имеется в виду

справедливость распределения. Это вполне объяснимо, ибо общественная жизнь, как кооперация, предполагает объединение индивидуальных усилий и обмен продуктами персональной деятельности. От этого объединения каждый желает получить не меньше, чем он в него вложил.

Считается, что о социальной справедливости первой заговорила католическая церковь. Ее представитель, сицилийский иезуит А. Тапарелли, писал: «Социальная справедливость для нас означает справедливость одних людей по отношению к другим... Поэтому я могу понимать это так, что социальная справедливость состоит в фактическом уравнивании всех людей в том, что касается общих прав человека; точно так же, как творец каждому человеку дал одинаковую человеческую натуру. Следовательно, человек, который действует по норме этой справедливости, выполняет намерение своего создателя» [4]. Социальная справедливость, таким образом, подразумевает принципиальное моральное равенство всех людей, а также их естественные, неотчуждаемые права. Дистрибутивная и коммуникативная, а также, в зависимости от ситуации, корректирующая справедливость понимаются как следствия этой фундаментальной социальной справедливости. Стремление большинства современных исследователей свести социальную справедливость к области распределения является необоснованным и затрудняет решение множества социальных проблем. Соглашаясь с этим, Джон Ролз назвал социальную справедливость «первой добродетелью социальных институтов». Ее требования относятся не к результатам рыночных или, более широко, общественных процессов, а к оформлению институциональных правил игры таких про-

цессов. Если они справедливы, то справедливо и все остальное.

Классическими темами социальной справедливости являются:

- вопросы политической справедливости (например, право и границы свободы мнений, честный доступ к государственной службе);
- вопросы справедливости в экономической сфере (например, налоги);
- вопросы юридической справедливости (справедливость наказаний, восстановление справедливости);
- вопросы справедливости в отношениях между полами;
- справедливость в семье;
- вопросы справедливости в отношениях между поколениями по вопросу о финансировании пенсий и сохранности окружающей среды;
- вопросы международной или глобальной справедливости (Юг-Север, честный доступ к мировым рынкам и т. д.).

Ценность социальной справедливости объясняется тем, что она является обязательным условием общественной солидарности. Общество есть результат компромисса между различными частными и групповыми интересами, носители которых признают важность и неизбежность организованного совместного бытия, но в то же время заинтересованы в сохранении своей свободы и своих жизненных идеалов и ценностей. Поэтому главным условием возможности общества считается гармония единичных интересов и общего блага: частная свобода не должна нарушать целостность общества, а интересы общественной стабильности не должны подавлять частную свободу. Общества, в которых преодолена дихотомия частного интереса и общего блага, называют со-

лидарными, понимая под последним такое качество социальной жизни, которое свидетельствует об отсутствии рассогласованности общественного бытия на всех уровнях. Солидарность означает прочность, надежность, сплоченность, а отсутствие солидарности квалифицируется как социальная патология.

Солидарность достигается разными способами, однако несомненным является факт: если в обществе обеспечена справедливость, то такое общество будет солидарным. Это можно выразить как пожелание: *Позаботьтесь о справедливости, и солидарность придет сама, как ее следствие.* Аристотель считал справедливость высшим социальным благом. Часто об отдельном человеке говорят как о справедливом или несправедливом, однако все равно имеют в виду его действия или решения относительно других людей. Поэтому справедливость в любом случае есть не просто человеческий, но социальный феномен. Она выполняет функцию арматуры, на которой зиждется любое общество.

Смысл социальности в том, что посредством нее люди, с одной стороны, обнаруживают свою зависимость друг от друга, а с другой стороны, обретают свою идентичность, индивидуальную Самость. Значение различных способов и форм социальности состоит, таким образом, в их способности реализовывать указанные выше смыслы. Идеальными можно назвать такие из них, в которых вклад каждого отдельного индивида получает соразмерную отдачу. Принято считать, что любое целое не равно арифметической сумме входящих в него частей, поскольку должна быть какая-то сила, которая «склеивает» индивидуальные вклады и усилия в общий результат. Иными словами, вклад

каждого должен быть больше, чем отдача, поскольку требуется своего рода «налог» на обслуживание социального механизма. Собственно, величина этого «налога» является главным камнем преткновения в функционировании общества, причиной большинства его проблем. Человек задается вопросом: «Почему я работаю, служу, плачу налоги, исполняю повинности, а получаю меньше, чем тот, кто не настолько усерден, как я?» То, что за «крышу» нужно платить, понимали и древние люди, степень зависимости которых друг от друга была намного больше, чем в современных обществах. Но там «адресатами» этой платы были понятные и осязаемые инстанции: тотем, божество, вождь, жрец. Ее распределение между членами общины осуществлялось по прозрачной для всех схеме, а возникающие недоразумения решались так же по понятным и признаваемым правилам. Усложнение общественной жизни породило то, что называют «проблемой справедливости». Это сознание (ощущение) того, что общество не дает индивидам, в него входящим, ожидаемого. Тема справедливости возникает тогда, когда возникает несправедливость. Так часто бывает: отсутствие чего-то жизненно необходимого становится поводом для того, чтобы задуматься о нем. Примечательно то, что большинство людей интуитивно чувствуют несправедливость, но дать внятное объяснение справедливости, не говоря уже о ее дефиниции, может далеко не всякий социальный теоретик и философ. Если обобщить эти интуитивные представления о справедливости, то они укладываются в общую схему: «Справедливость – это когда каждый получает по заслугам!» Такое определение является слишком абстрактным и порождает мно-

го дополнительных вопросов. Главный из них: «Что является заслугами, и как их расчитать (взвесить)?» Эта сложность, понимаемая и принимаемая древними и традиционными обществами, в современных обществах была упрощена тем, что проблеме перевели в плоскость закона. Справедливость стала интерпретироваться исключительно как правосудность. Иными словами, критерием справедливости становится закон, а инстанцией, которая ее обеспечивает, – суд. Реакцией русского народа на это обстоятельство стала поговорка: «Поступи со мной не по закону, а по справедливости».

«Болевые точки» социальной справедливости известны. Есть относительное согласие в том, почему указанные выше вопросы аккумулируют в себе тематику социальной справедливости. То есть с обоснованием все более или менее нормально. Главная проблема – осуществление политики справедливости, поскольку это требует однозначного и общепринятого критерия. А его нет. Это хорошо видно на двух примерах.

Первый – из области трансплантации органов человека. Известно, что существует их дефицит, а потому конкретные люди, принимающие решение, кому пересадить почку, должны выбирать из очереди нуждающихся. Философские и богословские концепции утверждают, что все люди равны, жизнь каждого – уникальна. Однако в конкретном случае необходимо сделать выбор, он делается и заведомо является несправедливым. Например, выбирать следует между отцом семейства, на иждивении которого находятся пятеро несовершеннолетних детей, гениальным молодым математиком и пожилым человеком, внесшим в прошлом большой вклад

в развитие страны. Какой критерий будет справедливым?

Другой пример – система социальных трансфертов. Она включает в себя различные виды вспомоществования людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, что соответствует идее социального государства. Но одним из следствий этой системы является иждивенчество граждан, заключающееся в том, что привыкшие существовать за счет помощи государства граждане не предпринимают усилий для улучшения своего положения. И их число множится. Это несправедливо по отношению к тем людям, на логах которых зиждется данная система. И все чаще раздаются голоса, призывающие ограничить получателей трансфертов в избирательных правах: если человек не может устроить свою собственную жизнь, как он может участвовать в общественных делах?

Ролз придерживался эгалитарной точки зрения по этому вопросу, выразив ее в известном принципе дифференциации. Один из его оппонентов, германский философ Вольфганг Кёрстинг, напротив, настаивает на том, что социальная справедливость состоит в возвышении наиболее достойных людей [5]. Спор между ними не имеет перспектив разрешения, поскольку он относится к нормативной области. А это означает, что в нем только фиксируется расхождение позиций, но не указываются способы и пути их сближения.

Приведенные два примера позволяют, на наш взгляд, сделать вывод, что подлинная проблема справедливости коренится не в сфере обоснования, а в сфере применения. Джон Ролз, первоначально презентовавший свою теорию справедливости как универсальную, впослед-

ствии признал, что она применима только в рамках западной либеральной политической культуры. Причина трудностей в применении принципа справедливости заключается не столько в том, что этические споры сложно разрешимы, сколько в том, что действительность, в которой мы живем и действуем, является слишком сложной.

На подобное развитие событий в плоскости применения этических ценностей указывал Макс Вебер, причем в той же работе, где несколькими строками выше он заявляет о безысходной и смертельной борьбе разнородных представлений о жизни. Он обращал внимание на повседневную жизнь обычных людей, которые, сталкиваясь в каждодневной жизни с конфликтами нормативного характера, в большинстве случаев решают их, опираясь на житейскую мудрость, практическую рациональность, не подозревая, что эти конфликты, по мнению теоретиков, неразрешимы [6].

Выход из сложившейся ситуации видится в том, чтобы отказаться от создания всеобъемлющих теорий справедливости, время которых еще не подошло, и сосредоточиться на «выпекании малых хлебов», т. е. поиске конкретных единичных решений для конкретных единичных ситуаций. Такой подход можно назвать тактикой флексибельной справедливости, и его вполне можно считать актуальным вариантом классического *summa ius in summo suo* (каждому свое). Осуществить справедливость – значит определить каждому свое место в соответствии с его достоинством. Это непростая задача, она требует знания общей перспективы и знания места, которое в этой перспективе занимает отдельный человек.

Итак, справедливость – это когда каждый получает по заслугам. Такое толкование указывает направление философского дискурса справедливости, который отражает общий тренд современности – внимание к различию. Он вовсе не означает, что философия отказывается от своей миссии быть инстанцией всеобщего. Речь идет лишь о том, что объектом концептуализации становится единичный объект, представляющий собой ситуационное «стягивание» его сущностных параметров. Единичное, таким образом, рассматривается как репрезентация общего, но при этом акцент делается не на общих чертах, роднящих это единичное с другими единицами (сингуляриями), а на исключительно индивидуальных – тех, что образуют Самость вещи именно как *этой* вещи. Бытие как целое существует за счет различия, и чем это различие более многочисленно, тем устойчивее само целое. Например, жизнь как феномен представлена сколькими-то миллиардами видов, большая часть из которых – вирусы и бактерии. Если бы это число было небольшим, скажем два или три, то велик бы был риск полного исчезновения жизни из-за случайного стечения неблагоприятных факторов. Единичное, следовательно, обладает ценностью, занимает исключительное место в составе бытия и поэтому нуждается во внимании и защите. Разумеется, не всякое единичное, а то, которое обладает самостоятельным статусом. В природе таковыми являются виды, а в человеческом обществе – индивиды.

Принцип *suhtsiique* базируется на предпосылке, что у каждого человека есть свое место в бытии, которое не дается от рождения, но приобретает в ходе индивидуализации, за который каждый отве-

чает персонально. Потому что социальная жизнь имеет смысл лишь в том случае, когда различные индивиды, объединяя свои усилия, обеспечивают воспроизводство родовой сущности человека. Жизнь отдельного человека и человеческих сообществ (рас, этносов, государств) не принадлежит только им, не является их собственностью, а представляет часть общего плана, необходимый фрагмент бытия. Без их индивидуального, а значит, уникального вклада бытие не обретет своей полноты и завершенности. Помимо того, что каждый индивид отвечает за то, чтобы стать человеком, соответствующим социально и культурно обусловленным параметрам «человечности», он держит ответ и перед конкретным социальным и культурным окружением, в которое интегрирован по месту рождения. Быть сыном, мужем, отцом, соседом, гражданином государства – это элементарные обязанности, для сознания которых не обязательно быть философом. За исполнение этих обязанностей каждый несет персональную ответственность. Это есть то самое «его», которое принимает во внимание формула справедливости – *suhtsiique*.

Справедливость, таким образом, предполагает максимальную экспликацию потенциала объекта, его идентификацию. Он должен стать самим собой. В природе это сделал ее Создатель, который определил каждому своему творению его место. Здесь идентичность вещи определяется тем, насколько она тождественна виду, который является одновременно и нормой. Если эта вещь (животное, растение, неорганический элемент) отклоняются от этой нормы – она долго не просуществует. Живая природа – это вообще длинная и закольцованная пищевая цепочка, в которой справедливость

заключается в том, что лев питается антилопой, а последняя живет за счет растительной пищи. И так далее. По-другому быть не может. По-другому – это уже несправедливость.

У человека все обстоит иначе. Он создан со свободной волей, а это означает среди прочего, что последнюю точку в своей идентичности ставит он сам. Природа создает своего рода «заготовку», каковой является вид *Homo Sapiens*. А индивидуальная «доводка» происходит посредством усилий самого индивида. Этому обязательно предшествует процедура самоидентификации, познания себя. Она осуществляется через рефлекссию, способность к которой имеется у большинства людей. Проблема, однако, состоит в том, что идентичность отдельного человека складывается из ресурсов, которые принадлежат не только ему одному. И не только индивида: рода, племени, этнической группы, народа. Все они складываются в качестве уникальных, единственных в своем роде «единиц», занимая строительный материал для этого отовсюду: от родителей (в основном физические и духовные особенности, болезни в том числе); от непосредственного социального окружения, в качестве которого выступает община, деревня, городской двор и квартал, религиозная группа; от государства; от человечества в целом, имея в виду духовные и культурные ресурсы, которые каждый усваивает и осваивает в процессе инкультурации и социализации. Разумеется, эти ресурсы «складываются» в единое целое, называемое «идентичностью» индивида, не сами собой, а при активном участии различных сил, ведущей из которых является сам индивид. Ему может достаться от родителей хорошее физическое и психическое здоровье

плюс предрасположенность к какому-либо виду деятельности. А он не воспользуется этим даром: пропьет, пустит на ветер, разменяет на мелочи. Такое случается довольно часто. И это – несправедливо, потому что человек, используя богатство, которое создавали другие, ничего не отдал взамен родителям, общине, государству, человечеству в целом.

Справедливость в контексте принципа индивидуации выглядит как мера, уравнивающая различия в составе целого таким образом, чтобы каждое из них занимало строго свое место. Но вопрос об источнике этой меры и инстанциях справедливости не имеет однозначного ответа. А. Макнтайр, исследуя моральную атмосферу греческого полиса, пришел к выводу, что там индивиды оценивались в соответствии со своим местом в социальной структуре, которое они должны были не просто занимать, но добиваться и отстаивать [7]. Они верили в справедливое устройство космоса, и когда в их жизни наступали тяжелые времена, причину немилости Судьбы они искали в самих себе или в ближайшем окружении, с которым они связаны родственными узами. Значит, они нарушили бытийный порядок, и силы, управляющие этим порядком, вынуждены для восстановления равновесия наказать виновников. Людям остается только вопрошать богов или другие сущности, управляющие бытием, о причинах гнева и по мере возможности исправляться, чем-то жертвуя.

Таким образом, справедливость с того момента, когда она становится объектом осмысления, связывается с человеческими поступками. Это первый момент, который можно считать установленным и согласованным. Другой момент, менее бесспорный, заключается в том, что источником

справедливости и несправедливости является сам человек. Он, в силу, видимо, свободной воли, нарушает гармонию, меру, а потому должен быть наказан. Но уже у греков возмездие или наказание не воспринимаются безропотно, и уже у них наблюдаются попытки усомниться в справедливости приговора. Несправедливость видится в том, что я должен отвечать не за свои конкретно поступки, а за поступки своих предков. В некоторых случаях – до седьмого колена. На уровне здравого смысла это понимание встречается и в других культурах. Герой повести Н.С. Лескова «Павлин» воспринимался обитателями дома, где он исполнял обязанности швейцара, бездушным и жестоким человеком, «палачом» хозяйки дома, за малейшую задержку квартплаты выставляющим на улицу семьи с грудными людьми. В минуту откровения он дает такое нравственное объяснение своей позиции: «Я не жестокое сердце имею, а с практики взял, что всякий в своей беде много сам виноват, а потворство к тому людей еще более располагает. Надо помогать человеку не послаблением, так как от этого человек еще более слабнет, а надо помогать ему на ноги становиться и о себе вдаль основательно думать, чтоб мог от немилостивых людей сам себя оберегать» [8].

Мы полагаем, что в такой интерпретации справедливости содержится указание на то, что человек – не самодостаточная Самость, а «встроен» в бытие, является его неотъемлемой частью, пользуется общими ресурсами, а потому несет на себе и долю ответственности за него. Это значит, что каждый отвечает за свой род и за свой полис (государство). Каким образом? – Участием или неучастием в его делах.

Справедливость в традиционном обществе является важной индивидуальной добродетелью и вдобавок к этому важным ингредиентом социального цемента более или менее гомогенных в нормативном отношении обществ. То есть таких, в которых представления о благе и способах достижения благой жизни понятны их членам, а инстанцией справедливости является «голос морали». Индивид оценивается в соответствии со своим местом в социальной иерархии (структуре), которое он не просто занимает, но занимает по праву. То есть обладает необходимыми для этого свойствами и способностями.

Греки классического периода своей истории очень трепетно относились к вопросам социальной иерархии, прав и обязанностей члена полиса. Каждый гражданин мог выдвинуться и доказать свое превосходство в политической и военной области, став победителем в соревнованиях (агонах), которые греки устраивали по разным поводам. Победителей чествовали, награждали, прославляли. И это было важным компонентом справедливости. Если же заслуги и достижения человека, его вклад в общее дело не оценивались по достоинству, это расценивалось как несправедливость.

Несомненным для такого понимания справедливости было следующее: в том, что с тобой произошло, повинен (отчасти) и ты, поскольку принадлежишь к определенному целому (обществу), «пропитан» его влиянием и участвуешь в его делах. Сложившийся порядок прошел проверку временем, доказал свою жизнеспособность, а потому – справедлив. Даже в современной Индии много сторонников кастового порядка. Иерархическая структура с прочными перегородками между

социальными слоями и группами отличается ясностью требований, предъявляемых к каждому индивиду, а внутри ступеней существуют свои критерии выделения лучших. Перегородки же между слоями и группами, хотя и были прочными и непроницаемыми, редко когда «достигают Неба», а потому наиболее выдающиеся люди имеют возможность повысить свой статус.

Таким образом, даже несмотря на массу случайностей, которые неизбежно сопровождают человеческую жизнь, в ее «сухом остатке» остается результат, который доступен аналитическому прояснению. В том числе и на предмет того, справедлив или несправедлив этот результат (итог).

Установленным является и тот факт, что справедливость никогда и нигде не ассоциировалась с равенством в распределении общих благ. Это вытекает из самой сущности общественной жизни, которая представлена различными способами и формами объединения людей, выражающими факт их зависимости друг от друга. В объединении одинаковых людей нет смысла. Как говорил философ Э.В. Ильенков, это было бы умноженное одиночество. Но чтобы общество действительно способствовало соединению индивидов с разной идентичностью, дополняющих себя в этом объединении до целого, его устройство, т. е. социальная

структура, должно быть справедливым. Мы, таким образом, подходим к тому тезису, который был сформулирован в начале работы: ключ к справедливому социальному устройству скрыт в социальной структуре общества.

Литература

1. *Алексеева Т.А.* Джон Роулс и его теория справедливости // Вопросы философии. – 1994. – № 10.
2. *Honneth A.* Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. – Suhrkamp, Frankfurt a.M. 1993. – S. 6.
3. *Margalit A.* Politik der Würde: Über Achtung und Verachtung, Alexander Fest Verlag, Berlin 1997. – S. 11.
4. *Taparelli Luigi d'Azeglio.* Versuch eines Auf Erfahrung Begründeten Naturrechts. Volume 1. Nabu Press, 2010. – S. 17.
5. *Kersting W.* Theorien der sozialen Gerechtigkeit. J. B. Metzler Verlag, Stuttgart 2000.
6. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Смысл свободы от «оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 565.
7. *Макинтайр А.* После добродетели. Исследования теории морали: пер. с англ. – М.: Академический проект, 1999. Гл. 10–11.
8. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений в одиннадцати томах. Том пятый. – М.: Художественная литература, 1957. – С. 238.

JUSTICE TODAY: DIFFICULT CHOICE BETWEEN DISTRIBUTION AND RECOGNITION

Article one *

S.G. Chukin

St. Petersburg Military Institute of Russian
Interior Ministry troops

P.Y. Naumov

Novosibirsk Military Institute of Internal
Troops, named after the Army General
I.K. Yakovlev, the Russian Interior Ministry

petr.naumov.777@mail.ru

The paper deals with the practical and theoretical implications that justice becomes a real factor in achieving solidarity in the social life of social actors. The different conceptions of justice revealed their intrinsic and structural differences. The authors conclude that the outcome of the discussions around the theme of justice, continuing for the last thirty years, has become a significant semantic shift in the understanding of justice, that resulted in the emergence of the new forms and methods of achieving it. It is noted that justice has properties which do not have the truth, and that helps it to stay in the field of philosophy and social sciences, despite the failure of attempts to give it a satisfactory explanation. This property is a special sensitivity to justice demonstrated by individuals, as well as social and cultural groups. The levels of justice are defined; it was found, that the social structure is the foundation of justice. The authors criticize emotivism asserting the impossibility of the rational justification of social values, and they contrast it with the concept of flexible justice, the methodological basis of which is the idea of transversal reason.

Keywords: moral, social structure, justice, value, flexible approach; transversality.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.1-46-58

References

1. Alekseeva T.A. *Dzbon Rouls i ego teorija spravedlivosti* [John Rousls and his theory of justice // philosophy] // *Voprosy filosofii*, 1994. № 10.
2. Honneth A. *Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte*. – Suhrkamp, Frankfurt a.M., 1993, s. 6.
3. Margalit A. *Politik der Würde: Über Achtung und Verachtung*, Alexander Fest Verlag, Berlin, 1997, s. 11.
4. Taparelli Luigi d'Azeglio. *Versuch Eines Auf Erfahrung Begründeten Naturrechts*. Volume 1. Nabu Press, 2010, s. 17.
5. Kersting W. *Theorien der sozialen Gerechtigkeit*. J. B. Metzler Verlag, Stuttgart, 2000.
6. Weber M. «Obektivnost'» social'no-nauchnogo i social'no-politicheskogo poznanija; *Smysl svobody ot «ocenki» v sociologicheskoy i jekonomicheskoy nauke* [«Objectivity» of social and scientific and socio-political knowledge; Sense of freedom from «assessment» in sociological and economic science] // Veber M. *Izbrannye proizvedenija*. M.: Progress, 1990, s. 565.
7. Makintayr A. *After virtue. Researches of the theory of morals*. The lane with English. M: Academic project, 1999, Hl. 10–11.